

УДК 821.161.1 Ф. М. Достоевский
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-99-112

КОШМАР КОШМАРОВА: СЕКТА И КРИМИНАЛ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Карпачева Т. С.

*Московский городской педагогический университет
129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1,
Российская Федерация*

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируется криминальный сюжет в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» и выявляется род занятий Ильи Мурина – одного из самых загадочных героев раннего Достоевского. В осмыслении проблемы сектантства Достоевский акцентирует внимание на проблеме вседозволенности лидера секты, неизбежно ведущей к криминалу. Статья предназначена не только для филологов, но и религиоведов, историков, юристов, а также всех, кто интересуется русской классикой, историей религий и историей права.

Ключевые слова: Достоевский, «Хозяйка», секта, криминал

HORROR OF KOSHMAROV: SECT AND CRIME IN EARLY WORKS OF F. DOSTOYEVSKY

T. Karpacheva

*Moscow City University
4 bld. 1 Vtoroy Selskokhozyaystvenny proezd, Moscow 129226, Russian Federation;*

*Moscow Region State University
24 Very Voloshinoi ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the criminal plot in the story of F. Dostoevsky “Mistress” and reveals the occupation of Ilya Murin – one of the most mysterious characters of early Dostoevsky. In understanding the problem of sectarianism, Dostoevsky focuses on the problem of the permissiveness of the sect leader, which inevitably leads to crime. The article is intended not only for philologists but also for religious scholars, historians, lawyers, as well as anyone interested in the Russian classics, the history of religions and the history of law.

Keywords: Dostoevsky, “Mistress”, sect, crime

Современная наука в целом характеризуется ростом интереса к междисциплинарным исследованиям.

Вопрос соотношения права и литературы: отражения правовых вопросов в художественном творчестве и,

напротив, влияния литературы на правосознание – рассматривался ещё начиная с XIX в. Так, А. Ф. Кони отмечал огромную роль творчества Ф. М. Достоевского для российской юридической науки¹. Интерес юристов к творчеству Ф. М. Достоевского прослеживается на протяжении всего XX в. [5; 6, с. 210–230] и на современном этапе развития науки. Так, в 1998 г. в Саратове состоялась конференция «Достоевский и юриспруденция», носившая междисциплинарный характер и объединившая исследователей разных специальностей. Учёные-литературоведы: В. В. Виноградов, [2, с. 146–160], Т. С. Карлова [12], Г. К. Щенников [23], Б. Г. Реизов [19], Л. Параккини [18], Е. Ю. Сафронова [20], В. А. Котельников [14] и др. – также неоднократно обращались к теме права в творчестве Достоевского. Как отмечает Т. С. Карлова, «Достоевский принимал деятельное участие в формировании юридического сознания своих современников» [12, с. 33] и «начиная с 60-х гг. в творчестве Достоевского нет такого произведения, где так или иначе: эпизодически, в связи с главной мыслью или даже в отдельных репликах – не звучала бы тема русского суда» [12, с. 4]. Однако интерес к правовым вопросам характерен и для раннего творчества Ф. М. Достоевского. Осмыслению юридической тематики в творчестве Достоевского 40–60-х гг. посвящена монография Е. Ю. Сафроновой [20].

¹ Кони А. Ф. Фёдор Михайлович Достоевский // Кони А. Ф. Собрание сочинений: в 8 т. Т. VI. Статьи и воспоминания о русских литераторах. М.: Юридическая наука, 1968. С. 406–427.

«Апогей интереса писателя к проблемам права, – отмечает исследователь, – действительно совпадает с эпохой начала 60-х гг., но тема ответственности человека, как юридической, так и нравственной, возникает в раннем творчестве» [20, с. 12].

В статье мы проанализируем криминальный сюжет в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» и выявим род занятий одного из самых загадочных героев раннего Достоевского – Ильи Мурина.

Е. Ю. Сафронова композиционным центром повести считает именно её криминальный сюжет: «Преступление старика Мурина, совершённое в прошлом и всё ещё тяготеющее над ним и его загадочной спутницей Катериной – и соучастницей, и жертвой злодея, – является центром, стягивающим все другие планы повествования и образующим временную динамику криминального сюжета» [20, с. 47] (к этому сюжету мы ещё вернёмся). Исследователь также обращает внимание на образ полицейского чиновника Ярослава Ильича и прослеживает тему коррупции в повести: «...Ярослав Ильич ... фигура комическая, олицетворяющая несостоятельность официальных служителей закона в делах правосудия. В финале чиновник предстает похудевшим, разочаровавшимся, отравившим бакенбарды. Последнее служит знаком его увольнения со службы, вероятно, за страсть к мздоимству (ношение бакенбард, усов и бороды как проявление “вольномыслия” было запрещено чиновникам гражданского ведомства специальным указом Николая I от 2 апреля 1837 г.). ... В детективном плане повести Ярослав Ильич является носи-

телем ошибочного мнения о личности Мурина и создаёт ложный ход в деле раскрытия его тайного преступления» [20, с. 46–47]. Скорее всего, Ярослав Ильич действительно поплатился за взяточничество. Так, например, в конце повести Ордынов видит его «вполне счастливого ... посещением»² Мурина, несмотря на то что тот находится под надзором полиции, так что «счастливым» Ярослава Ильича делает, по-видимому, какое-либо подношение старика. Однако, как видно из текста, со стороны Ярослава Ильича «дружба» с Муриным – это не только укрывательство преступлений из корыстных побуждений: Мурин умел внушить к себе если не уважение, то по крайней мере суеверный страх, сопряжённый с явным нежеланием ему противоречить или противодействовать. Так, Ярослав Ильич будто бы «по секрету» рассказывает Ордынову, что старик – «мистик и имел ужасное влияние на приходивших к нему», поэтому «за ним был некоторое время сильный присмотр»³, притом полицейский сам верит в «дар» Мурина, сообщая, что сбылось его предсказание о смерти одного юноши. На вопрос Ордынова, занимается ли Мурин в настоящий момент такими практиками, Ярослав Ильич отвечает: «Строжайше запрещено-с»⁴. Ещё ранее Ордынов слышит о предсказаниях

Мурина, реализуемых на платной основе, от дворника-татарина: «Он всё знает, книжка много читала, читала, читала, все читала и другим сказывала. Так, пришла кто: два рубля, три рубля, сорок рубля, а не хошь, как хошь; книжка посмотрит, увидит и всю правду скажет. А деньга на стол, тотчас на стол – без деньга ни!»⁵. Приходивших к нему людей старик, по-видимому, пугал какими-то страшными предсказаниями, потому что, по словам Ярослава Ильича, все выходили от него «бледные как платок».

Боишься Мурина и сам хозяин дома, с говорящей фамилией Кошмаров, опасаясь, вероятно, его «колдовских чар»: Мурин вселил кошмар в самого Кошмарова! Так, Ордынов видит домовладельца, находящегося в состоянии мистического страха: «В дверях квартиры он плотно столкнулся с маленькой седенькой фигуркой, приходившей, потупив очи, от Мурина. “Господи, прости мои прегрешения!” – прошептала фигурка, отскочив в сторону с упругостью пробки ... “...О, Господи, Господи”»⁶. Портрет Кошмарова в повести дан дважды и представляет собой взаимоисключающие характеристики. Ордынов видит «маленького, согбенного, седенького человека в тулупе», который «шёл кряхтя, спотыкаясь, смотрел в землю и что-то нашёптывал про себя. Можно было подумать, что он от старости выжил

² Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 311.

³ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 287.

⁴ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 287.

⁵ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 282.

⁶ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 288.

из ума»⁷. Ярослав Ильич же подбирает совершенно иные характеристики: «Величавый старик! ... Благородная старость!»⁸ Таким образом, старик, который окружающим кажется (или умеет показаться) «величавым», сам находится в подчинении (основанном на мистическом, суеверном страхе) у Мурина.

Какие же деяния Мурин скрывает от полиции и (или) откупается от неё, чтобы иметь возможность продолжать их? О чём говорит Ярослав Ильич «Строжайше запрещено-с»? В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в разделе VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» III главы содержалась группа статей «О подложном проявлении чудес и других сего рода обманах». Уголовной ответственности подлежали лица, осуществляющие оккультные практики, в случае если «для приобретения противозаконной корысти или иной личной выгоды, будут ... выдавать себя за колдунов или чародеев, если они, для своих лжепредсказаний, лжепредзнаменований и других обманов, будут употреблять предметы, христианскому богослужению посвящённые» (ст. 638)⁹ или в случае если кто-либо, «выдавая себя за лицо, одарённое какою-либо сверхъестествен-

ною чудесною силою или святостью, будет стараться посредством возбуждённого сим обманом уверения произвести в народе тревогу, волнение или уныние, или же неповиновение установленной законом власти» (ст. 640)¹⁰. То есть уголовная ответственность наступала, если в ритуалах колдуна использовались церковные предметы либо если его практики распространялись на широкий круг лиц. По всей вероятности, говоря о роде занятий Мурина, Ярослав Ильич имел в виду последнее. Деятельность Мурина, со слов самого же Ярослава Ильича, подпитывается распространением слухов о его якобы «пророческом» даре. Злоупотребляя доверием людей, запугивая их смертью или иного рода страшными «предсказаниями», Мурин сам, видимо, верит в свои «магические способности», чувствует неограниченную власть над людьми и тем, вероятно, оправдывает свои преступления, как прошлые, так и, возможно, будущие. С учётом того, что Кошмаров выбегает от Мурина в страхе, практики последнего, по всей видимости, продолжают, но распространяются теперь только на «своих», так как старик-колдун, вероятно предупреждённый Ярославом Ильичом, стал осторожнее. «Колдуном» (либо «гипнотизёром») называли Мурина многие исследователи, и ранее обращавшиеся к повести «Хозяйка» (см., например: [17, с. 319; 19, с. 147]). М. Г. Шерварлы сопоставляет сюжет повести с восточной легендой о драконе, которого побеждал рыцарь, и, победив, сам становился

⁷ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 282.

⁸ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 285.

⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Варшава: W drukarni Kommissyi Rządowej Sprawiedliwości, 1847. С. 486.

¹⁰ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Варшава: W drukarni Kommissyi Rządowej Sprawiedliwości, 1847. С. 490.

драконом: «Дракон-Мурин, как настоящий былинный змей, губит родню Катерины и, ворвавшись к ней через окно, уносит свою избранницу в своё логово» [21, с. 293]. На демоничность образа Мурина неоднократно обращали внимание исследователи. Так, А. Б. Криницын отмечает символику его имени: «мурин – означает “арап” и в народной речи ассоциируется с нечистым» [15, с. 164]. Е. С. Зорина делает наблюдение о том, что Катерина боится называть Мурина по имени, заменяя его имя местоимением «он» – «так в народе говорили о нечистой силе, чтобы не произносить даже этого слова (“дьявол”, “чёрт” и т. д.)» [9, с. 150].

В настоящее время в изучении повести укрепилась мысль о том, что Мурин является лидером хлыстовской (см., например: [4, с. 265; 11, с. 35–38; 13]) либо скопческой [7]¹¹ общины¹².

¹¹ Работа О. Г. Дилакторской имеет огромное значение в понимании проблематики «Хозяйки». На сегодняшний день это, пожалуй, наиболее полное исследование повести с опорой на множество исторических трудов, однако мы предполагаем, что Мурин не может принадлежать к секте скопцов, потому что тогда становится неясен любовный сюжет повести: Катерина – Мурин – мать Катерины, которую он называет «старой любовью». На наш взгляд, Мурин принадлежит к хлыстовству. Стоит, однако, отметить, что ряд практик (трансовое состояние на собраниях, «пророчества») у хлыстов и скопцов были схожими.

¹² На принадлежность героев повести к движению хлыстов, по мнению ряда исследователей, указывает, в частности, и особая лексика Катерины, смешивающей братско-сестринские и любовные отношения («голубь горячий», «братец родной», «спознай сестрицу»), и её экзальтированность – всё это было типичными признаками хлыстовщины. Также

Как отмечает О. Г. Дилакторская, «у хлыстов и скопцов особое значение придавалось пророческому слову кормщиков (это называлось “ходить в слове”) ... в их слове, по представлению сектантов, воплощался сам Христос. В “Хозяйке” Катерина говорит о Мурине, в котором и она, и многие другие признавали пророческий дар: “Он властен! Велико его слово!”» [7, с. 64]. Исследователь также обращает внимание на таинственное посещение Кошмаровым Мурина и делает предположение о лидирующем положении последнего в сектантской общине: «В его небольшую квартирку часто хаживает сам домохозяин, причём ведёт себя там как младший, а не как старший» [7, с. 68]. Так называемые «пророчества» хлыстовских и скопческих лидеров, как указывает исследователь секты хлыстов, современник Достоевского И. М. Добротворский, часто произносились от лица Бога: считалось, что в этот момент через «пророка» действует Святой Дух, притом, «что бы он ни делал, он творит волю св. Духа» [8, с. 78]¹³. «Никакая сила, –

практически все исследователи – религиоведы и историки – обращавшиеся к теме хлыстовства в XIX–начале XX вв., отмечали «разврат, не разбирающий ни возраста, ни уз родства», характерный для хлыстовских общин (см. напр.: Мельников П. И. (Андрей Печерский) Белые голуби // Мельников П. И. Собрание сочинений в 6-ти тт. Т. VI. М.: Правда, 1963. С. 287, 314). Или, как отмечает И. М. Добротворский, «держась, например, общего правила – хранить целомудрие, они и особенно пророки их, весьма часто предаются гнусному разврату, и никто из последователей высших разрядов секты не видит в том противоречия учению» [8, с. 66].

¹³ Орфография сохранена. – Т. К.

отмечает исследователь, – не в состоянии уверить их, что в них действует не Дух Святой, что они не свободны от грехов» [8, с. 78]. Всё это открывает для так называемого «пророка» огромный простор для манипуляций людьми, верящими в его силу, и для достижения своих целей. Притом по сути колдовство Мурина и его «прорицательство» как вожака хлыстовской общины – это фактически одно и то же. Один из самых крупных специалистов по сектам и расколу середины XIX в. А. П. Щапов ведёт происхождение хлыстовских «пророков» от славяно-чудских колдунов («волхвов»): «...древнерусские, чудско-славянские волхвы и кудесники поддерживали в массе народной даже и те элементы языческого богослужения, какие потом вошли в состав молений и радений “людей божиих”. ... В массе народной искони поддерживалась привычка к сборищам и к оргиям, к сборищам, сопровождавшимся песнями, хороводными плясками, мирскими обедами или братскими складчинами и пиршествами и даже “свальным грехом”. Секте “людей божиих” оставалось только дать всем этим религиозно-языческим сборищам догматическую форму и санкцию своих моленных сборов и радений» [22 с. 594–595]. Хлыстовские «пророки» и «пророчицы», по наблюдению исследователя, предсказывали урожай или неурожай, «удачи и неудачи разных промыслов» и т. д., ничем не отличаясь от обычных деревенских колдунов. Если для традиционного христианства сочетание веры в Бога, участия в церковных службах и оккультизма (колдовства, гаданий и т. д.) абсолютно неприемлемо, то для хлыстовства это было вполне типичным явлением.

Не противоречит принадлежности героев к хлыстовству и эпизод первой встречи Ордынова с ними в православной церкви. Как отмечает О. Г. Дилакторская, «...Раскольники ... тайных сект нередко значились прихожанами официальных православных храмов. Как правило, они делали богатые пожертвования, чем объясняется почтительное и даже заискивающее отношение к ним со стороны священнослужителей» [7, с. 64]. О маскировке представителей запрещённых сект под православных и введение духовенства в заблуждение было известно и исследователям XIX в., обращавшимся к теме хлыстовщины. Так, П. И. Мельников-Печерский, сам по долгу службы занимавшийся делами раскольников и писавший впоследствии очерки о сектах на основе собранного им при «полевых исследованиях» материала, отмечает: «... Хлысты, фарисеи, скопцы, лазаревщина без всякого принуждения ходят в православную церковь и исполняют все христианские обязанности ещё гораздо усерднее православных, считая это, впрочем, ничего не значащим обрядом и поступая так единственно с целью отвлечь от себя подозрение в сектаторстве; было много примеров, что опытные ... священники чрез несколько десятков лет так искусно были обманываемы наружным благочестием этих еретиков, что считали их самыми усерднейшими сынами православной церкви»¹⁴. На ту же особенность в поведении сектантов

¹⁴ Мельников П. И. (Андрей Печерский) Письма о расколе // Мельников П. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. VI. М.: Правда, 1963. С. 251.

указывает и И. М. Добротворский: «Эти еретики, обязанные страшными клятвами скрывать от православных все касающееся их секты, нередко почитаются за лучших христиан даже самими священниками» [8, с. 102]. В эпизоде в церкви Мурина и Катерине навстречу выходит и кланяется даже не священнослужитель, а церковнослужитель: «Церковнослужитель, последний оставшийся в церкви, поклонился старику с уважением; тот кивнул ему головою»¹⁵. Это мог быть пономарь или дьячок, принявший Мурина и Катерину за знатных господ, либо уже знающий Мурина и его авторитет в округе. Здесь обращает на себя внимание странное поведение Мурина: он заходит в церковь не как прихожанин, а как «хозяин» – подводит Катерину к образу Богородицы, накрывает её голову покровом, и Катерина рыдает. Происходит что-то, напоминающее исповедь – покров накрывает голову Катерины, как будто священническая епитрахиль во время исповеди – таким образом, Мурин «присваивает» себе право отпускать грехи. Во второй раз, когда Ордынов встречает Катерину в церкви во время вечерни, Мурина там нет – он появляется, когда Катерина уже выходит из церкви, и уводит её за собой. Действительно, зачем Мурина ходить в церковь, если он фактически считает себя непогрешимым и ставит себя на место Бога? Абсолютная власть лидера и наделение его фактически божественной властью – типичный признак секты как в XIX в., так и в наши дни. Так, на-

пример, П. И. Мельников-Печерский делает следующее наблюдение: «непогрешимость папы, божественность далай-ламы, хутухт и хубильханов ничто в сравнении с непогрешимостью и божественностью хлыстовского или скопческого Христа или пророка!»¹⁶ «Руководители сект способны безгранично манипулировать своими адептами, полностью контролировать их жизнь, располагать их временем, отдавать им любые приказы, накладывать на них любые обязательства» [10, с. 144], – указывает уже современный учёный религиовед И. В. Иванишко, с которым согласен А. А. Воат: «Попадая в секту, человек может систематически подвергаться избиениям, унижениям, обману, утрачивает интерес к своей семье, к общественной жизни, вплоть до реализации суицида. ... В отношении многих деструктивных сект можно говорить о психическом насилии над гражданами: принуждение к разрушению семьи, к безвозмездной работе на организацию, публичное унижение, оскорбление членов группы» [3, с. 241–242].

Возвращаясь к образу Мурина, следует отметить, что гадание и предсказательство – далеко не главные его злодеяния. Мы не знаем в точности, чем занимался Мурин ранее: на это содержатся лишь намёки, однако по ряду эпизодов можно сделать некоторые предположения. Так, например, после убийства родителей Катерины (об этом ниже) и увоза её из родительского дома он на год оставляет свою жену-

¹⁵ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 268.

¹⁶ Мельников П. И. (Андрей Печерский) Белые голуби // Мельников П. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. VI. М.: Правда, 1963. С. 281 (орфография сохранена. – Т. К.)

дочь¹⁷ у некоей «названной матушки», когда уезжает для чего-то с товарищами «вниз по реке»¹⁸. Отметим, что наличие у Мурина «названной матушки» является ещё одним признаком, иллюстрирующим его принадлежность к хлыстовству – хлысты так называемое «духовное» родство ставили выше родства по плоти. Для чего он уезжает «вниз по реке» – он Катерине не рассказывает, скорее всего потому, что цель поездки, с учётом того, что тогда же «разбойником и душегубцем» называет его Алёша, вряд ли связана с честной торговлей. Ярослав Ильич же сообщает Ордынову, что Мурином ранее был «очень богат» и жил торговлей, однако с учётом слов Алёши, а также преступлений Мурина, описанных в тексте, мы понимаем, что торговля – лишь прикрытие его криминальной деятельности.

Преступления лидеров хлыстовских объединений неоднократно оказывались в поле зрения исследователей сект, современников Достоевского, – историков и религиоведов. Вкус власти давал самозванцу ощущение безнаказанности. Так, И. М. Добротворский указывает на то, что любые аморальные или даже преступные деяния хлыстовского «пророка» оправданы «высшей идеей» (чем не теория

Раскольникова?): «Пророк людей божиих ... что ни делает и что ни говорит, хотя бы дела его были самые предосудительные и мерзкие и слова богохульные, ему уже не вменяется в грех и не подлежит ответственности. ... “Хотя я с писанным законом творю несходно, – говорит пророк людей божиих, – но с волею Божиею сходно, потому что это я не своей волей сие творю. ... Стало быть, Бог строит обо мне что-нибудь особенное”» [8, с. 82].

Главное же преступление, являющееся композиционным центром повести, «стягивающим», по словам Е. Ю. Сафроновой, «все другие планы повествования», – это, безусловно, убийство родителей Катерины и – через год – вероятное убийство её жёны и друга детства Алёши. Катерина путано рассказывает Ордынову, как в роковую ночь впустила Мурина в дом, с тем чтобы он убил её законного отца и мать – свою «старую любовь». Зависимость от Мурина матери Катерины и соперничество матери и дочери придаёт ещё большую трагичность сюжету повести и ещё более ужесточает и демонизирует образ Мурина. Сюжет убийства родителей Катерины прослеживается вполне очевидно: на Мурине обгоревший кафтан, и люди кричат, что отец Катерины упал в котёл; Катерина слышит крик под её светлицей, «слабый, словно ребёнок вскрикнул» (мать Катерины лежала больная – «третьи сутки на смертной постели лежит»¹⁹), а когда они убегают с Муриным, она видит, что у него руки в крови. «Руки

¹⁷ В повести содержится намёк на то, что Мурином – настоящий отец Катерины. Её мать («старая любовь» Мурина), разгневавшись, говорит Катерине: «Уж я скажу ему (своему законному мужу. – Т. К.), чья ты дочь, беззаконница!» (Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 296).

¹⁸ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 300.

¹⁹ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 297.

в крови, моя родимая? а ваших собак порезал, разлаялись больно на позднего гостя»²⁰, – такое объяснение даёт Мурин, однако Катерине-то как раз всё понятно. Неоднократно она повторяет Ордынову, что она «родную мать загубила», называет себя «душегубкой», «окаянной дочерью». Неспроста ещё в начале повести Ордынов предполагает, что слёзная молитва Катерины связана с преступлением: «слёзы опять катились и сохли на горячих щеках её, как будто омывая какое-нибудь страшное преступление»²¹. Рассказ Катерины о возможном убийстве Алёши не закончен, и читатель сам додумывает, что произошло в лодке. Но, учитывая особое внимание, которое в её рассказе придаётся буре (несколько раз она повторяет, что на реке была буря и «от берега мы с версту отъехали»), читатель предполагает, что, скорее всего, старик столкнул Алёшу в реку, и тот погиб. Катерина же всё это время молчит: «Я слова моего не сказала тогда», то есть молчаливо соглашается с деянием Мурина, который фактически испрашивает её согласия на преступление: «...так вот теперь в лодке нам тяжело. Уж не пришло ли чье время? Скажи, родная, скажи, голубица, проворкуй нам по-голубиному своё слово ласковое...»²². Впрочем, возможна и другая версия: Алёша сумел доплыть до

берега, и дело стало известно органам правопорядка. Ярослав Ильич рассказывает, по-видимому, ту же историю Алёши, но в другой интерпретации: «Говорят, что в болезненном припадке сумасшествия он посягнул на жизнь одного молодого купца, которого прежде чрезвычайно любил. Он был так поражён, когда очнулся после припадка, что готов был лишиться себя жизни: так по крайней мере рассказывают. Не знаю наверное, что произошло за этим, но известно, что он находился несколько лет под покаянием»²³. Церковное покаяние по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных было предусмотрено за ряд преступлений небольшой тяжести или неосторожных преступлений, в частности за причинение смерти по неосторожности, или применялось как дополнительное наказание за умышленные преступления. Поскольку Ярослав Ильич не упоминает о ссылке или каторге Мурина, мы понимаем, что, вероятно, воспользовавшись своими связями и ловко сымитировав болезненное состояние, он за посягательство на жизнь отделался лишь церковным покаянием.

Саму Катерину Е. Ю. Сафронова совершенно справедливо называет «и соучастницей, и жертвой» преступления. Действительно, по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Катерина является соучастницей деяний Мурина. Так, согласно ст. 16 Уголовного Уложения 1845 г., к соучастию относились «прикосновенные к преступлению» деяния: «попустительство» и «укрывательство

²⁰ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 298.

²¹ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 270.

²² Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 301.

²³ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 286.

преступления»: «...Из прикосновенных к делу и преступлению признаются: попустителями – те, которые, имев власть и возможность предупредить преступление, с намерением или по крайней мере заведомо допустили содеяние оно; укрывателями – те, которые, не имев никакого участия в самом содеянии преступления, только по совершении уже оно заведомо участвовали в сокрытии или истреблении следов его, или же в сокрытии самих преступников ...»²⁴. Исходя из этого, в случае с убийством родителей деяние Катерины квалифицировалось бы как укрывательство, в случае же с возможным убийством Алёши – как попустительство. Таким образом, вся, казалось бы, «таинственная» власть старика «над бедным, разорванным сердцем»²⁵ строится на запугивании Катерины и её соучастии в преступлении Мурина. Неудивительно, что, убедив в своих «сверхспособностях» людей, приходящих к нему, и даже полицейского, Мурин не оставляет сомнений в своей мистической власти и в душе Катерины, убеждая её в том, что будет властвовать над ней как в земной жизни, так и после смерти: «Он говорит, ... что когда умрёт, то придёт за моей грешной душой»²⁶. Таким образом, эпизод в церкви с покрыванием головы Катерины, так поразив-

ший Ордынова, приобретает ещё более кощунственный смысл: Мурин сам толкает Катерину на преступление, и он же как бы «отпускает» ей грехи. Действительно, Мурин по отношению к Катерине берёт на себя роль и отца, которым он, возможно, на самом деле является, и мужа, и священника, и самого Бога – именно такова абсолютная власть сектантского лидера.

В финале повести оказывается, что дом Кошмарова представлял собой «целую шайку воров, притон», в котором действовали «контрабандисты, мошенники всякие»²⁷. Вспомним, что ещё во время болезненного сна Ордынова в начале повести, когда он только поселился в доме Кошмарова, он «догадывался, что забрёл в какой-то тёмный, злодейский притон»²⁸. Начальником шайки, по словам Ярослава Ильича, оказался хозяин дома, сам Кошмаров, «богомольный, почтенный с виду...»²⁹. «Судите после этого о всем человечестве! ... Не нелепо ли это-с?» – восклицает Ярослав Ильич. Однако, учитывая, что Кошмаров боится старика-колдуна, можно сделать вывод, что руководил шайкой именно Мурин. Кошмаров же, скорее всего, сыграл роль подставного лица, поплатившегося за преступление Мурина, который в очередной раз вышел сухим из воды: за три недели

²⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Варшава: W drukarni Kommissyi Rządowej Sprawiedliwości, 1847. С. 12–14.

²⁵ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 311.

²⁶ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 293.

²⁷ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 320.

²⁸ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 279.

²⁹ Достоевский Ф. М. Хозяйка // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. I. Л.: Наука, 1972. С. 320.

до раскрытия преступной деятельности «притона», видимо, вовремя предупреждённый, он успел скрыться, увезя с собой Катерину. Важно отметить, что на «уголовные связи и тёмное прошлое» Мурина обращал внимание ещё Г. М. Фридлиндер³⁰. Вызывает недоумение, что современные исследователи нередко оставляют без внимания эту сюжетную линию при анализе повести.

Итак, Мурин добивается своей власти и безнаказанности удержанием окружающих в состоянии страха, основанного на вере в действенность его магических ритуалов. В силу той власти, которой он наделяет себя, никто (ни Катерина, ни Кошмаров, ни Ярослав Ильич) не подвергают сомнениям его «слово». Фактически фе-

номен безграничной власти лидера сектантской общины и ведёт к преступлениям. В повести «Хозяйка» впервые поставлена проблема власти и манипулирования религиозными чувствами, которая в дальнейшем будет развита в «Поэме о Великом Инквизиторе» в «Братьях Карамазовых» (см. об этом: [1, с. 217; 16, с. 257]). В отличие, например, от Мельникова-Печерского, Достоевский не показывает секту как социальную проблему и картины жизни сектантов, да и не ставит перед собой такой задачи, но он ухватывает главное: вседозволенность лидера секты, неизбежно ведущую к криминалу.

*Статья поступила в редакцию
11.04.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бем А. Л. Достоевский – гениальный читатель // Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1. О Достоевском: Сборник статей под редакцией А. Л. Бема. М.: Русский путь, 2007. С. 206–218.
2. Виноградов В. В. О художественной прозе // Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 56–283.
3. Воат А. А. Деструктивные тоталитарные культы (на примере «Ашрама Шамбалы») // Научный альманах. 2018. № 4-2 (42). С. 240–242.
4. Волгин И. Л. Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М.: Книга, 1991. 607 с.
5. Гольдинер В. Д. Проблема правосудия в творчестве Ф. М. Достоевского (К 140-летию со дня рождения) // Советская юстиция. 1961. № 22. С. 16–18.
6. Голяков И. Т. Суд и законность в художественной литературе. М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1959. 360 с.
7. Дилакторская О. Г. Скопцы и скопчество в изображении Достоевского (К истолкованию повести «Хозяйка») // Philologica. 1995. Т. 2. № 3/4. С. 59–84.
8. Добротворский И. М. Люди божии. Русская секта так называемых духовных христиан. Казань: Университетская типография, 1869. 200 с.
9. Зорина Е. С. Сравнительно-сопоставительный анализ двух женских образов Ф. М. Достоевского и А. Н. Островского // В поисках слова. Открытия минувшего: объединённый выпуск филологов и историков: сборник научных работ студентов, магистрантов и молодых учёных. Вып. 2. / сост. и отв. ред. И. Н. Райкова. М.: МГПУ, 2016. С. 148–153.

³⁰ Примечания к повести «Хозяйка» // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 1. Л.: Наука, 1972. С. 508.

10. Иванишко И. В., Кулыгин В. В. Противодействие деструктивным культам в Дальневосточном регионе // *Власть и управление на Дальнем Востоке*. 2008. № 2 (43). С. 139–146.
11. Истомин К. К. Из жизни и творчества Достоевского в молодости (введение в изучение Достоевского) // *Творческий путь Достоевского: сборник статей / под ред. Н. Л. Бродского*. Л.: Издательство «Сеятель», 1924. 216 с.
12. Карлова Т. С. Достоевский и русский суд. Казань: Изд-во Казанского университета, 1975. 163 с.
13. Карпачева Т. С. «Хлыстовский след» в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // *Достоевский и мировая культура. Альманах № 34*. СПб.: Серебряный век, 2016. С. 30–39.
14. Котельников В. А. Преступление у Достоевского // *Достоевский и мировая культура. Альманах № 35*. СПб.: Серебряный век, 2017. С. 9–33.
15. Криницын А. Б. Сюжетология романов Ф. М. Достоевского. М.: МАКС Пресс, 2017. 456 с.
16. Мочульский К. В. Гоголь. Соловьёв. Достоевский. М.: Республика, 1995. 606 с.
17. Недзвецкий В. А. Право на личность и её тайну («Бедные люди» и «Слабое сердце» Ф. М. Достоевского) // *Недзвецкий В. А. Статьи о русской литературе XIX–XX веков. Научная публицистика. Воспоминания*. Нальчик: ООО Тетраграф, 2011. С. 313–332.
18. Параккини Л. Вопросы юриспруденции и творчество Достоевского. СПб.: Серебряный век, 2004. 154 с.
19. Реизов Б. Г. «Хозяйка» Ф. М. Достоевского (к проблеме жанра) // *Русская литература*. 1976. № 1. С. 144–148.
20. Сафронова Е. Ю. Дискурс права в творчестве Ф. М. Достоевского 1846–1862 гг. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2013. 182 с.
21. Шерварлы М. Г. Философия владычества в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // *Достоевский и современность. Материалы XXVIII Международных Старорусских чтений (23–26 мая 2013 г.)*. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2014. С. 290–296.
22. Шапов А. П. Умственные направления русского раскола // *Сочинения А. Шапова: в 3 т. Т. 1*. СПб.: Издание М. В. Пирожкова, 1906. С. 580–647.
23. Шенников Г. К. Суд и правосудие в «Братьях Карамазовых» и идеалы Достоевского // *Русская литература 1870–1890 гг. Сб. 7*. Свердловск, УрГУ, 1974. С. 34–49.

REFERENCES

1. Bem A. L. [Dostoevsky is a brilliant reader]. In: *Vokrug Dostoevskogo: v 2 t. T. 1. O Dostoevskom: Sbornik statei pod redaktsiei A. L. Bema* [Around Dostoevsky: in 2 vols. Vol. 1. On Dostoevsky: a Collection of articles edited by A. Bem]. Moscow, Russkii put' Publ., 2007. pp. 206–218.
2. Vinogradov V. V. [On fiction prose]. In: *Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. O yazyke khudozhestvennoi prozy* [Selected works. On the language of fiction prose]. Moscow, Nauka Publ., 1980. pp. 56–283.
3. Voat A. A. [Destructive totalitarian cults (on the example of “Ashram Shambala”)]. In: *Nauchnyi al'manakh* [Scientific Almanac], 2018, no. 4-2 (42), pp. 240–242.
4. Volgin I. L. *Rodit'sya v Rossii. Dostoevskii i sovremenniki: zhizn' v dokumentakh* [Born in Russia. Dostoevsky and his contemporaries: a life in documents]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 607 p.

5. Goldiner V. D. [The problem of justice in the works of F. Dostoevsky (To the 140th anniversary of birth)]. In: *Sovetskaya yustitsiya* [Soviet justice], 1961, no. 22, pp. 16–18.
6. Golyakov I. T. *Sud i zakonnost' v khudozhestvennoi literature* [The court and the rule of law in fiction]. Moscow, Gosudarstvennoe izd-vo yuridicheskoi literatury Publ., 1959. 360 p.
7. Dilaktorskaya O. G. [Skoptsy and Skopchestvo in the Image of Dostoevsky (For interpretation of the story “The Mistress”)]. In: *Philologica*, 1995, vol. 2, no. 3/4, pp. 59–84.
8. Dobrotvorskii I. M. *Lyudi bozhii. Russkaya sekta tak nazyvaemykh dukhovnykh khristian* [The people of God. Russian sect of so-called spiritual Christians]. Kazan, Universitetskaya tipografiya Publ., 1869. 200 p.
9. Zorina E. S. [Comparative analysis of two female characters of F. Dostoevsky and A. Ostrovsky]. In: Raikova I. N., comp. and chief ed. *V poiskakh slova. Otkrytiya minuvshogo: ob'edinennyi vypusk filologov i istorikov: sbornik nauchnykh rabot studentov, magistrantov i molodykh uchenykh. Vip. 2* [In search of a word. The discoveries of the past: a combined issue of philologists and historians: a collection of scientific works of students, undergraduates and young scientists. Iss. 2]. Moscow, Moscow City University, 2016, pp. 148–153.
10. Ivanishko I. V., Kulygin V. V. [Counteraction to destructive cults in the Far Eastern region]. In: *Vlast' i upravlenie na Dal'nem Vostoke* [Power and administration in the East of Russia], 2008, no. 2 (43), pp. 139–146.
11. Istomin K. K. [From the life and work of Dostoevsky in his youth (an introduction to the study of Dostoevsky)]. In: Brodsky N. L., ed. *Tvorcheskii put' Dostoevskogo: sbornik statei* [Creative way of Dostoevsky: a collection of articles]. Leningrad, “Seyatel” Publ., 1924. 216 p.
12. Karlova T. S. *Dostoevskii i russkii sud* [Dostoevsky and Russian court]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo universiteta Publ., 1975. 163 p.
13. Karpacheva T. S. [“Khlystovsky trace” in the story of F. Dostoevsky “The Mistress”]. In: *Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Al'manakh. № 34* [Dostoevsky and world culture. Almanac. No. 34]. St. Petersburg, Serebryanyi vek Publ., 2016, pp. 30–39.
14. Kotel'nikov V. A. [The crime of Dostoevsky]. In: *Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Al'manakh. № 35* [Dostoevsky and world culture. Almanac. No. 35]. St. Petersburg, Serebryanyi vek Publ., 2017, pp. 9–33.
15. Krinitsyn A. B. *Syuzhetologiya romanov F. M. Dostoevskogo* [The plotology of the novels of F. Dostoevsky]. Moscow, MAKS Press Publ., 2017. 456 p.
16. Mochul'skii K. V. *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii* [Gogol. Soloviev. Dostoevsky]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 606 p.
17. Nedzvetskii V. A. [The right to identity, and its secret (“Poor Folk” and “A Weak heart” by F. Dostoevsky)]. In: Nedzvetskii V. A. *Stat'i o russkoi literature XIX–XX vekov. Nauchnaya publitsistika. Vospominaniya* [Articles on Russian literature of the 19th–20th centuries. Scientific journalism. Memories]. Nalchik, Tetragraf Publ., 2011. pp. 313–332.
18. Parakkini L. *Voprosy yurisprudentsii i tvorchestvo Dostoevskogo* [Questions of jurisprudence and creativity of Dostoevsky]. St. Petersburg, Serebryanyi vek Publ., 2004. 154 p.
19. Reizov B. G. [“Mistress” by F. Dostoevsky (to the problem of the genre)]. In: *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1976, no. 1, pp. 144–148.
20. Safronova E. Yu. *Diskurs prava v tvorchestve F. M. Dostoevskogo 1846–1862 gg* [The rights discourse in the works of F. Dostoevsky 1846–1862]. Barnaul, Altai State University Publ., 2013. 182 p.
21. Shervarly M. G. [The philosophy of domination in the story of F. Dostoevsky “Mistress”]. In: *Dostoevskii i sovremennost'.* *Materialy XXVIII Mezhdunarodnykh Staroruskikh chtenii (23–26 maya 2013 g.)* [Dostoevsky and modernity. Materials of 28th International Old-Russian

- readings (23–26 May 2013)]. Veliky Novgorod, Novgorodskii gosudarstvennyi ob'edinennyi muzei-zapovednik Publ., 2014. pp. 290–296.
22. Shchapov A. P. [Mental Directions of the Russian Schism]. In: *Sochineniya A. Shchapova: v 3 t. T. 1.* [Works by A. Schapov: in 3 vols. Vol. 1]. St. Petersburg: Izdanie M. V. Pirozhkova Publ., 1906. pp. 580–647.
23. Shchennikov G. K. [Court and justice in “The Brothers Karamazov” and the ideals of Dostoevsky]. In: *Russkaya literatura 1870–1890 gg. Sb. 7* [Russian literature of the 1870–1890s. Iss. 7]. Sverdlovsk, Ural State University Publ., 1974. pp. 34–49.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпачева Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета; доцент кафедры русской литературы XX в. Московского государственного областного университета;
e-mail: filology888@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana S. Karpacheva – PhD in Philological Science, Associate Professor at the Department of the Russian Literature of Institute of Humanities, Moscow City University; Associate Professor at the Department of the Russian Literature of the 20th century, Moscow Region State University;
e-mail: filology888@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Карпачева Т. С. Кошмар Кошмарова: секта и криминал в раннем творчестве Ф. М. Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 99–112.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-99-112

FOR CITATION

Karpacheva T. S. Horror of Koshmarov: sect and crime in early works of F. Dostoyevsky. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 4. pp. 99–112.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-99-112